

О концепте «хамство»

В № 10 «Свободной мысли-XXI» за 2009 г. была опубликована содержательная статья И.М. Фатеевой «Об одном “непереводимом” слове», т.е. о хамстве.

Автор считает хамство специфически российским феноменом, связывает его массовое распространение с секуляризацией сознания прежде всего российской интеллигенции во второй половине XIX в., с социальными потрясениями, включая «перестройку» и постсоветские реформы. И.М. Фатеева не разграничивает различные аспекты этого явления – бытовой и более глубокий, социокультурный. Она дает блестящий очерк современных проявлений хамства и, наконец, объявляет хамство стилеобразующей категорией современной культуры, явно отдавая предпочтение лингвистической стороне проблемы – речевому бескультурию.

Вот с лингвистики мы и начнем.

И.М. Фатеева называет соответствующее слово «непереводимым» вслед за С. Довлатовым, который, в свою очередь, вспоминает о В. Набокове: «Рассказывают, что писатель Владимир Набоков, годами читая лекции в Корнельском университете юным американским славистам, бился в попытках объяснить им “своими словами” суть непереводимых русских понятий – “интеллигенция”, “пошлость”, “мещанство” и “хамство”. Говорят, с “интеллигенцией”, “пошлостью” и “мещанством” он в конце концов справился, а вот растолковать, что означает слово “хамство”, так и не смог»¹. (Оценим этот смысловой ряд в котором «интеллигенция» соседствует с «мещанством», «пошлостью» и «хамством». Как мы увидим далее, это не просто курьезная случайность. Для многих эти понятия не просто сопоставимы, а неотрывны друг от друга.)

И.М. Фатеева констатирует: «(...) к нашему времени эволюция хамства завершилась и оно стало типичным явлением. Из нейтрально-обиходной лексики это слово перешло в разряд терминов так называемой обценной лексики (от *англ.* obscene – непристойный, грязный, бесстыдный)»². Отметим здесь две неточности. Во-первых, нейтральным слово «хам» не было никогда. Во-вторых, оно никогда не относилось и не относится сейчас к обценной – непристойной лексике, т.е. к мату. Слово «хам» всегда было и остается пейоративным, т.е. бранным.

Однако сами эти неточности возникают из-за того, что автор в некорректной форме говорит правильную и важную вещь: слово «хамство»

*ФЛОРЯ Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, теории и методики обучения русскому языку Орского гуманитарно-технологического института.

¹ Довлатов С. Это непереводимое слово «хамство» // Довлатов С. Собр. соч.: в 4-х т. СПб.: Азбука, 2010, т. 4, стр. 394.

² Фатеева И. М. Об одном «непереводимом» слове // Свободная мысль-XXI, 2009, № 10, стр. 108. Далее страницы указываются после цитат в скобках.

меняло свое значение и эмоциональную окраску. Эта окраска всегда была отрицательной, но, видимо, изменяла интенсивность и смысловые оттенки.

Из-за этой изменчивости, по-видимому, усугубляется вышеупомянутая «непереводимость» слова.

Допустим, определение «непереводимое» действительно лучше заключить в кавычки. О «непереводимости» слова «хамство» едва ли можно говорить в строгом лингвистическом смысле, а тем более – транслятологическом, т.е. относящимся к теории перевода.

По крайней мере, после Г. Фреге и Л. Витгенштейна филологи разграничивают значение и смысл. Значения, т.е. стабильные, воспроизводимые, не зависящие от контекстов минимальные семантические комбинации, вполне переводимы, а смыслы – индивидуальные ассоциации, связанные с ситуациями, контекстами, отражающие опыт данного народа и конкретного человека, – переводу не поддаются. Но с этой точки зрения вообще любое слово непереводимо. Реальная ситуация еще «драматичнее», ибо, как справедливо пишет Б. Бозанкет, «слово, очень строго говоря, никогда не употребляется в одном и том же смысле»³, но, несмотря на эту драму, трагедии нет: на уровне значений перевод существует, люди друг друга понимают.

В «Англо-русском словаре» В.К. Мюллера слово “*cad*” именно так и определяется: «невоспитанный, грубый человек; хам». Это значение. А вот один из смыслов, блестяще выраженный С. Довлатовым: «(...) хамство есть не что иное, как грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом – умноженные на безнаказанность. Именно в безнаказанности все дело, в заведомом ощущении ненаказуемости, неподсудности деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает жертву»⁴.

Сема «безнаказанность», конечно, не входит в структуру английского эквивалента «хамства», но и в структуре русского слова «хамство» ее нет. И.М. Фатеева цитирует словари В.И. Даля, С.И. Ожегова, академический «Словарь русского языка». Можно вспомнить и другие. Например, в «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т.Ф. Ефремовой (2001-2002): «**Хам** 1. м. устар. Презрительное название человека, принадлежавшего к низшим классам и потому лишенного человеческого достоинства (в речи дворян). **Хам** 2. м. разг. 1) Грубый, наглый, невоспитанный человек, готовый на подлости. 2) Употр. как бранное слово, которым обзывают такого человека». Кстати, в том же словаре «хамство» – обычно абстрактное существительное: «поведение хама», дается и в собирательном значении: «То же, что: хамы», т.е. представители «низших классов» (разумеется, *устаревшее*: представителям нашей интеллигенции недостает хамства – в первом значении, – чтобы открыто именовать хамами рабочих и крестьян). Впрочем, у В.И. Даля собирательное значение тоже есть: «Хамство – подлый народ, люди низкого рода».

³ Бозанкет Б. Эстетическое отношение в его воплощениях // Современная книга по эстетике. М., 1957, стр. 280.

⁴ Довлатов С. Указ. соч., стр. 395.

Иногда, как будто вспомнив, что это слово «непереводимо», авторы словарей пытаются внести в его традиционное определение дополнительные оттенки – например: «Грубый, наглый и *невежественно-самодовольный* человек» («Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, 2007). Наблюдение точное, но едва ли необходимое. Оно относится к области не столько значения, сколько смысла. Хамы почти всегда бывают невежественно-самодовольными – но всё-таки *почти*: хамское поведение может быть и компенсацией закомплексованности, неуверенности человека в себе. И наоборот: невежественно-самодовольный человек – не обязательно хам. Он может быть добродушным и снисходительным. Как бы ни пытались лексикографы расширить толкование слова, найденные ими коннотации оказываются необязательными. Сохраняется лишь семантическое ядро «бескультурие и грубость». Косвенно это свидетельствует против национальной специфики хамства. Разве что оно приобретает национальные оттенки – и то не всегда.

Интересен и такой момент. В словаре Д.Н. Ушакова, хотя и косвенно, подчеркивается, что хамство – явление «темного прошлого». «Хам» у него определяется так: «**1.** В языке дворян: человек, принадлежащий к низшим классам и лишенный потому всякого человеческого достоинства (презрит. дореволюц.). – *Он там дворовых людей по-французски учить выдумал! Это, дескать, ему полезно! Хаму-то, слуге-то!* Достоевский. **2. перен.** Грубый, наглый и невоспитанный человек, готовый на подлости (разг. презрит, бран.). *Секретари его все хамы, все продажны, людишки, пишущая тварь, все вышли в знать, все ныне важны.* Грибоедов. [По имени Хама, сына библейского Ноя, проклятого отцом за непочтение.]» Этот словарь вообще замечателен тем, что в нем филологический блеск органично сочетается с реализацией идеологических установок, научная позиция – с гражданской. Можно не сомневаться, что Д.Н. Ушаков хорошо помнил о «Грядущем Хаме», которого буржуазные интеллигенты соотносили с грядущими же гуннами, т.е. с народом. Автор словаря как будто полемизирует с этой точкой зрения и говорит о Хаме не грядущем, а ушедшем или, по крайней мере, уходящем в прошлое.

И это не только пропаганда. Советское общество уже в 1920-е гг. отличалось уровнем общей культуры, недостижимо высоким для современной России. В то время людей учили приличному поведению плакаты и стихи Маяковского, сейчас – расклеенные в магазинах и больницах чудовищно хамские вирши, которые некий сверхскромный графоман приписал Омару Хайяму:

Других не зли и сам не злись (...)
Зло, излученное тобой,
К тебе вернется непременно.

Эта дрянь адресована почему-то не продавцам и медработникам, излучающим упомянутое зло, а их жертвам – покупателям и больным!

Не говорю уже о культуре художественной или научной. Образованных людей и даже интеллектуалов немало, но где современные Леониды Леоновы, Эйзенштейны, Шостаковичи, Виноградовы, Бахтины? И ведь это были не одинокие вершины, таков был нормальный уровень *общенародной* культуры. В литературе – Горький, Федин, Вс. Иванов, Пастернак, Олеша... В кинематографе – Пудовкин, Довженко, Барнет, А. Роом, М. Ромм... В театре – Станиславский, Мейерхольд, Вахтангов, Таиров, Акимов... В филологии – Щерба, Якубинский, Поливанов, Ларин, Гуковский, опоязовцы, Пропп... И это выдающиеся люди только первых 20 лет советской власти. И нельзя утверждать, что они работали для элиты. Можно ли о современной России сказать что-нибудь подобное? Разумеется, если взять филологию, сейчас живы Вяч. Вс. Иванов и Б.А. Успенский и другие выдающиеся ученые, сложившиеся в советскую эпоху, но их творчество значимо для довольно узкого круга интеллектуалов. (Напомню, что у покойных Ю.М. Лотмана, М.Л. Гаспарова, В.В. Кожина есть научно-популярные книги для широкой аудитории, даже для школьников.)

И.М. Фатеева считает, что по-настоящему хамство в России утвердилось только в постсоветскую эпоху. По ее мнению, «грядущий Хам» явился вместе с революцией, но вынужден был «перековаться»: «Лишь спохватившись, правящее хамово племя обеспокоилось сохранением власти: когда живешь в окружении рабов, от них можно ожидать чего угодно. И тогда, круто осадив все это безобразие, стали поспешно вводить цензуру, контроль и уголовное наказание не только за поступки – за слова, а также преподавать правила поведения, возродить никогда не практиковавшиеся обряды, придумывать псевдоритуалы. Тем не менее, как это ни удивительно, именно в годы, ныне презрительно названные “застоем”, в период унижительной уравниловки были созданы произведения, предельно четко осмыслившие происходившее. Более того, население страны упорно демонстрировало достаточно высокий уровень образованности» (стр. 109).

Пассаж, мягко говоря, странный. Что такое «правящее хамово племя»? Диктатура пролетариата? Или бюрократии? Так уж и «хамово»? И в окружении каких рабов жило это «племя»? Обычно так говорят о соседних народах, но, видимо, автор имеет в виду население Советского Союза. Оно состояло из рабов? Это обидно и несправедливо. И действительно ли рабов нужно укрощать культурой? И по поводу «унижительной уравниловки» есть что возразить. И то, что именно в годы «застоя» были созданы произведения, предельно четко осмыслившие происходившее, отнюдь не удивительно: упомянутые выше цензура и контроль обязывали соблюдать приличия и не опускаться ниже известного художественного уровня. Зато в главном с автором можно согласиться: хамство в советскую эпоху не поощрялось, в отличие от культуры.

В статье затронут довольно неожиданный аспект: хамство связывается с интеллигенцией. Как выясняется, у этой точки зрения много сторонников: «Не случайно К. Н. Леонтьев еще в 1880 году в своей заметке

“Дама курит в церкви” предложил слово “хамство” в качестве синонима понятию “интеллигентность”» (стр. 108).

Если имеется в виду статья Леонтьева «Сквозь нашу призму», то соответствующий фрагмент излагается некорректно. Леонтьев не только не предлагает в качестве синонима к «интеллигентности» слово «хамство», но даже не употребляет его – *хотя наверняка подразумевает*. Зато об интеллигентности говорится – вскользь и с оттенком неодобрения, – но скорее конкретного лица, чем интеллигенции как таковой: «По словам “Московских ведомостей”, “Оренбургский листок” сообщает о следующем скандале, случившемся в Уфе: “В церкви Св. Спаса, на Казанской улице, 22 февраля происходило венчание. В числе приглашенных была одна дама из интеллигентного слоя общества и к тому же *супруга педагога*. Этой бойкой барыне вдруг вздумалось закурить папиросу в церкви, и она закурила. Скандал произошел немалый. Вмешалась, конечно, полиция, составила акт и передала по принадлежности”. *Вперед! Вперед!* Вы, присяжные, и вы, мировые, оправдайте поскорее, оправдайте, пожалуйста, эту... даму... даму... чтобы не сказать хуже...»⁵. Как видим, *в этом фрагменте* Леонтьев не дает оснований для столь категоричной трактовки его слов. Другое дело, что он неоднократно высказывается об интеллигенции саркастически, даже враждебно.

Зато это заявление удивительным образом перекликается со следующим замечанием некоего Г. Кремнева: «В pendant можно вспомнить и о ХАМСКОМ слове “интеллигенция”: данный эпитет к этому новорожденному (писателем П. Боборыкиным в 80-е годы 19 века) слову-уроду найден самым утонченным и глубоким стилистом в русской литературе – Константином Леонтьевым, которым эта столь чаемая ныне “интеллигентность” сразу была опознана как ХАМСТВО! Достаточно вспомнить его крошечную заметку в газете “Варшавский дневник” (1880): “Дама курит в церкви”»⁶.

Оставим на совести Кремнева оценку «*интеллигенции*» как «слова-урода», а Леонтьева – как самого «утонченного и глубокого (?) стилиста»: то и другое – дело вкуса. Заметим также, что и слово «*интеллигенция*» не изобретено Боборыкиным⁷.

Между прочим, в этом сочинении Леонтьев неоднократно демонстрирует свою более чем своеобразную психологию. «“Пермские губернские ведомости” приводят следующее решение одного волостного суда в Пермской губернии: крестьянин Н-в принес волостному суду жалобу, что потерявшегося у него барана, стоящего два рубля, он нашел уже заколотым в амбаре у крестьянина Ю-ва, которого и подозревает, что тот заколол барана, и просит поступить с ним по закону. Ответчик на суде объяснил, что баран забежал к нему в ограду с его овцами, почему он заколол

⁵ Леонтьев К. Сквозь нашу призму – <http://knleontiev.narod.ru/articles.htm>.

⁶ <http://www.protvino-forum.ru/showthread.php?t=1028>.

⁷ По этому вопросу рекомендую соответствующую статью из словаря Ю.С. Степанова «Константы» (М., 2001).

его на пищу. Волостной суд, имея в виду собственное сознание виновного, постановил “крестьянина Ю-ва за означенный поступок наказать розгами 20-ю ударами, затем надеть на него шкуру заколотого барана, провести по улицам села с барабаном, подводя его к окну каждого жителя, и перед каждым домом давать ему по одному удару”. *Решением истец и ответчик остались довольны.* Вот прекрасный случай нашим газетам возопить: “отсталость, варварство, “безобразие!”, “школы!”, “мрак!”, “просвещение!” (здесь и далее курсив мой – А.Ф.) и т. д. А по-нашему это – *ничего*, что человека поводили в бараньей шкуре. Нашему эстетическому чувству до того надоела *безличность* нашего *европеизированного* общества (стоящего при этом вовсе невпопад за какое-то *развитие личности?*), что мы *ужасно рады* (воистину ужасно! – А.Ф.) всему живому и не похожему на *все другое*, как похоже в Петербурге! В этой выдумке есть хоть маленькое творчество национальной мысли, а у *всех* либеральных ученых наших, вместе взятых, вовсе его не видно. Многие из них не понимают даже разницы между *юридической свободой лица и живым развитием личности*, которая возможна *даже и при рабстве*, – и не только в рабовладельце, но и в *самом рабе*. Развитие есть *полнота, содержательность или интенсивность и своеобразие*. Наши “образованные люди” не знали даже до сих пор, что “либерализм” *везде в Европе повредил национальности*; ибо *государственная независимость и племенное объединение* погубили *везде умственную и бытовую независимость* и способствовали скорейшему претворению наций, областей, городов, умов, обычаев, мод, построек в один и тот же *европейский* или даже *космополитический тип*. Что же тут общего между *свободой лица и развитием личности* в народе и отдельных людях, – между *объединением* Германии, например, и ее *культурно-национальным своеобразием?*.. Разве то, что первое убило второе? Нет, пермский мужик в бараньей шкуре, довольный тем, что его еще и побили, гораздо лучше, *глубокомысленнее, национальнее русских цивилизаторов!*»⁸

По-видимому, этот пассаж никакого отношения к хамству не имеет. По форме это, вероятно, проявление «утонченного и глубокого стиля», а по содержанию – любезной Леонтьеву «цветущей сложности».

Несомненно, здесь смешиваются два понимания хамства – бытовое и библейское. Второе вытекает из первого, но не равнозначно ему. Бытовое хамство – это банальная невоспитанность, грубость. Хамство в библейском смысле – неуважение к прошлому, к традиции, к культуре, к предкам, доходящее до глумления над святынями. В первом случае агрессия направляется прежде всего на окружающих, на современников, во втором – на предшественников. Для передачи второго значения следовало бы использовать особое слово – например, «хамизм» (поведение в духе библейского Хама), как это делает Н.А. Бердяев, различая культуру и цивилизацию: «Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почиет особого рода

⁸ Леонтьев К. Указ. соч.

благодать священства. Культура, подобно церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов. Слишком новая, недавняя культура, не имеющая преданий, стесняется этого своего положения. Этого нельзя сказать про цивилизацию. Цивилизация дорожит своим недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников. Она гордится изобретением сегодняшнего. У нее нет предков. Она не любит могил. Цивилизация всегда имеет такой вид, точно она возникла сегодня или вчера. Всё в ней новенькое, всё приспособлено к удобствам сегодняшнего дня».⁹

Хамство и хамизм не обязательно предполагают друг друга, но органично сочетаются. Бытовое хамство – удел прежде всего людей малограмотных и даже маргинальных: некультурных начальников, мещан, хулиганов. По-видимому, им должен быть свойствен и хамизм, хотя, по невежеству, они могут и не подозревать, что копируют поведение ветхозаветного персонажа. Конечно, они отвергают культуру в любом варианте. Но хамизм осознанный, принципиальный – это уже отличительная черта хамов просвещенных или даже образованных. Только уместнее называть их не интеллигентами, а интеллектуалами.

Термин «хамизм» не привился – и не потому, что у этого слова есть определенное значение: древнеегипетская филология. Это значение мало кому известно, кроме египтологов, а у большинства носителей языка ассоциируется именно с Хамом и соответствующим поведением. Но это большинство скорее слышало о Бердяеве, нежели читало (читает) его.

Впрочем, слово «хамизм» периодически возникает и приобретает статус потенциального, т.е. создается разными людьми независимо друг от друга. Значение у этого слова приблизительно одно и то же: манера поведения хама, – а смыслы, коннотации могут быть разные, индивидуальные. Хотя, если вдуматься, они вполне закономерны и часто зависят от языкового чутья говорящих (пишущих).

Например: «Рассматривая современное искусство России, есть все основания, по примеру Эмиля Золя сформулировать и обосновать новое течение, новую эстетическую категорию, новый стиль (наравне с модерном, готикой, ренессансом, реализмом) – Хамизм. И он, особенно в последнее время, настойчиво претендует на то, чтобы стать эстетическим идеалом современности, необходимым и единственным условием художественного творчества. И, что феноменально, в основе всей этой “эстетики” лежит все один и тот же хрестоматийный извечный *хамов грех* – стремление поиздеваться, поглумиться над собственным отцом и Отечеством и над всем сущим. Да и социальный заказ есть – продолжающееся разрушение устоев нации и государства»¹⁰.

Человек, написавший это, при всей своей наивности, в целом верно чувствует две вещи: во-первых, суффикс *-изм* не только типичен для

⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо тринадцатое. О культуре – цит. по: <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/index.html>.

¹⁰ Конопля М. Хамство как стиль жизни – <http://www.protvino-forum.ru/showthread.php?t=1028>.

названий художественных методов и течений (натурализм¹¹ и т.п.), но и часто имеет негативную коннотацию («*Оставьте эти ваши “измы”!*»)¹²; во-вторых, хамство де-факто стало важной особенностью современной культуры (уместно ли здесь слово «культура» – другой вопрос), и в этом смысле автор приближается к бердяевскому пониманию слова «хамизм».

Но именно приближается, а не совпадает. Н.А. Бердяев пишет о стиле, о духе *всей цивилизации* (в противовес культуре), презирующей прошлое. А М. Конопля говорит о конкретном «стиле», о направлении в искусстве (но не обо всем искусстве), глумящемся «над отцом и Отечеством и над всем сущим».

Отметим, что И.М. Фатеева, не употребляющая слова «хамизм», фактически пишет о нем. Заключительный раздел ее статьи называется «Хамство – стилеобразующая категория современной культуры».

Ярче всего такое хамство проявляется в демонстративном отвержении норм: «(...) систематически какие-то далекие от проблем лингвистики и филологии люди рассуждают об использовании мата в связке с язычеством и этимологией, сакральностью и метаязыком» (стр. 119). *O sancta simplicitas!* Если бы это было именно так! Если бы этим занимались только невежды! Тогда уместнее было бы говорить о *псевдокультуре*, а не о культуре. Но реабилитацией мата уже давно занимаются люди, имеющие прямое отношение к проблемам лингвистики и филологии – профессора и академики. Кстати, они же и сами очень охотно матерятся (якобы в иллюстративных целях – когда без этого можно обойтись). Так что фактически хамство тиражируют и узаконивают деятели культуры – во всяком случае, статусные.

Культовым текстом по данной теме стал, конечно же, «Грядущий Хам» (1906) Д.С. Мережковского, уже упомянутый выше, не обойденный также И.М. Фатеевой. Рассмотрим этот образ подробнее, обратившись к эссе П. Басинского «Хам уходящий» (1996), написанному специально к 90-летию этого произведения.

Автор задается вопросом: «Что на самом деле представлял собой Хам Мережковского? Был ли он родственником ветхозаветного Хама или новым мифологическим лицом?»¹³

¹¹ Кстати, И.М. Фатеевой тоже почему-то не угодил Э. Золя — великий представитель (но не изобретатель!) натурализма.

¹² Между прочим, пример такого рода есть и во многократно упоминаемой по данной теме статье Д.С. Мережковского: «Говорят, преподобный Серафим Саровский питался долгие годы какою-то болотною травю сниткою. Все эти реализмы, идеализмы, монизмы, плюрализмы, эмпириокритицизмы и другие засушенные “измы”, которыми донныне питается русская интеллигенция, напоминают траву снитку. От умственного голода лица стали унылы, унылы, и бледны, и постны» (Мережковский Д.С. Грядущий Хам – цит. по: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0080.shtml).

¹³ Басинский П. Хам уходящий // Новый мир, 1996, № 11 – цит. по: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/11/basinsk.html.

По крайней мере, у П. Басинского это новое мифологическое лицо – в том числе по отношению к Мережковскому. Басинский пишет: «Его Хам слагается как бы из трех компонентов: грядущий мещанин, грядущий китаец и грядущий босяк. И все три рассыпаются в прах от легкого прикосновенья».

Возможно, и рассыпается, особенно если учесть, что у самого Мережковского Хам слагается из несколько иных компонентов: «Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам».

У этого Хама в России – три лица.

Первое, настоящее – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви.

Второе лицо прошлое – рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она “в параличе”. “Архиереи наши так взнузданы, что куда хошь поведи”, – жаловался один русский архипастырь XVIII века, и то же самое с еще большим правом могли бы сказать современные архипастыри. Духовное рабство – в самом источнике всякой свободы; духовное мещанство – в самом источнике всякого благородства. Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной.

Третье лицо будущее – под нами, лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, черной сотни – самое страшное из всех трех лиц.

Эти три начала духовного мещанства соединились против трех начал духовного благородства: против земли, народа – живой плоти, против церкви – живой души, против интеллигенции – живого духа России»¹⁴.

Обратим внимание на то, что, в отличие от многих авторов, упомянутых в данной статье, в том числе И.М. Фатеевой, Д.С. Мережковский не отождествляет хамство с интеллигентностью, а противопоставляет их. (Кстати, и Ю.М. Лотман в памятных «Беседах о русской культуре» настоятельно заявляет, что понятие, противоположное культуре, т.е. интеллигентности, – хамство.) Зато первые две ипостаси хамства очень красноречивы.

И, наконец, приведу несколько нетривиальных трактовок этого концепта.

П. Басинский, в противовес Д. Мережковскому, считает Хама как раз интеллигентом, отколовшимся от культуры – и, прежде всего, от Бога – ее источника: «Хам не откуда-то извне появился – он сын этой культуры, плоть от плоти, кровь от крови. Он такой же ее “вечный спутник”, как и праведные сыновья. С ним ничего не поделать. В сущности, *он – это мы*». Что ж, и такая точка зрения имеет право на существование, только не стоит ее абсолютизировать. Часть интеллектуалов можно назвать Хамами именно в этом смысле. Здесь еще нет особой оригинальности – напротив, Басинский

¹⁴ Мережковский Д.С. Указ. соч.

оказывается в одном ряду с теми, кто, глубоко разочаровавшись в либеральной интеллигенции XIX столетия, как Леонтьев, или современной, инкриминирует ей хамство, понимаемое прежде всего как отщепенство. Но вот талантливый образ, который использует Басинский для выражения этой мысли, – действительно интересен: «Настоящим поступком Хама было вот что: услышав проклятие отца, он просто повернулся и вышел из шатра. Ушел. Такая ситуация мне представляется почему-то наиболее правдоподобной, а вместе с тем – наиболее символической. В этом был заключен пародийный жест чудовищного значения: *Хам дублировал поведение братьев (“пошли задом и покрыли наготу отца своего”)*; но не тогда, когда Ной находился в жалком и беспомощном состоянии, а когда он был в силе и праведном гневе, то есть когда он был по-настоящему, божественно прекрасен! И в этот-то момент Хам и вышел из шатра задом к отцу, *насмевшись над братьями, перечеркнув священный смысл их поступка*. И отныне мы имеем дело с Хамом не вечно Грядущим, но вечно Уходящим. Даже странно, что виртуоз-диалектик Мережковский этого не заметил и придал метафизическое значение только наступательной стороне хамства».

Еще один важный аспект: хамство – почти неотъемлемая принадлежность масскульта. Об этом говорят и пишут многие, но, пожалуй, только Е. Додолеву пришла в голову остроумная метафора «Хам – первый репортер»¹⁵. И поражаешься точности этого образа.

Мне встречалось выражение «*пришедший Хам*», а иногда и другие, ему подобные. И.М. Фатеева цитирует слова М.Н Ермоловой «Грядущий Хам явился», а от своего имени пишет: «(...) сегодня, да, собственно, уже очень давно, мы живем во время Царствующего Хама, или Хама Торжествующего» (стр. 112). Итак, образ пришедшего Хама не нов. Другое дело, что его отождествляют с разными эпохами.

Так или иначе, хамство всегда подразумевается наше «до боли родное». С. Довлатов настаивает на том, что в Америке нет хамства – по крайней мере, бытового. Однако это не исключает существования хамства как культурной и ментальной матрицы американского мещанства. Приведем начало статьи А.Н. Тарасова «Пришедший Хам»: «Они думают, что они победили – и победили окончательно. Они думают, что это – навсегда. Что на всей Земле установился мир по их убогому ковбойскому шаблону – Мир по-американски, Рах Американа. Они – это американские буржуа. Крупные, средние и мелкие. Они охотно поддерживали Клинтона, когда тот бомбил Ирак, чтобы отвлечь внимание от своей интрижки с Моникой Левински. И они же выстраивались в длиннющие очереди, чтобы узнать в подробностях, как, где и когда их президент занимался с Моникой оральным сексом, – а потом, удовлетворив свое пошленькое мещанское любопытство, дружно высказываются против импичмента Клинтона: ну подумаешь, лгал под присягой, ну подумаешь, мешал отправлению правосудия! Ведь не на “священную” же частную собственность покушался!»¹⁶. Связать Хама –

¹⁵ <http://old.echo.msk.ru>.

¹⁶ Тарасов А.Н. Пришедший Хам. – <http://www.screen.ru/Tarasov>.

грядущего или пришедшего – с американским мещанством до А.Н. Тарасова, по-видимому, никто не додумался. Уточним только, что вышеназванный Хам пришел в том числе и в постсоветскую Россию.

И, наконец, самую неожиданную трактовку хамства (одновременно библейского и не библейского) предлагает С.Г. Кара-Мурза: «Наш “безответный народ” (...) прикорнул не у теплого Арарата, где растет сладкий виноград, а в сугробе. И здесь поступить, как любящие сыновья Ноя – подойти к отцу задом, чтобы не увидеть наготу его, прикрыть наготу его и оставить проспаться до утра – значит бросить на погибель. Ной после той своей пьянки прожил триста лет. А у нас, если к пьяному отцу повернешься задом – в два счета окоченеет. Уж лучше по-хамски натереть снегом наготу его и заставить подняться, хотя бы и пинками»¹⁷.

Что ж, к этой проблеме можно подходить и так, но, справедливости ради, следует уточнить, что здесь хамизм выступает в роли оболочки, метафоры. По сути мы имеем дело с другим явлением.

Возьму на себя смелость предположить, что хамство очень мало связано с отсутствием религиозной веры, зато имеет прямое отношение к отсутствию культуры – любой, в том числе светской и атеистической. Между прочим, в дефинициях хамства из толковых словарей используются слова «*невежественный*», «*невоспитанный*», но не встречается слово «*атеист*». Более того, нетолерантный, агрессивный религиозный фанатизм часто оказывается источником хамства и самих фанатиков, и тех, на кого они обрушивают свою ненависть, как, например, К. Леонтьев – на интеллигентных дам. По-моему, он, а вслед за ним и его почитатели перепутали причины и следствия. Не оправдывая безобразного поведения (извините) дуры, курящей в церкви, я подозреваю, что она это сделала в знак протеста против пещерной идиосинкразии Леонтьевых к любой эмансипации, тем более – женской. Неужели И.М. Фатеева – умная и образованная женщина – солидарна с этим мыслителем? Она бы никогда не стала кощунствовать в церкви, но не удостоилась бы его похвалы.

Справедливости ради скажу, что И.М. Фатеева больше говорит о культуре – прежде всего о культуре речи, нежели о религии (почему-то она не процитировала даже крылатых слов «Хама Грядущего победит лишь Грядущий Христос»).

Между прочим, статья завершается именно в филологическом, а не в религиозном духе: «Ф. М. Достоевский прозорливо заметил: “Так, как мы говорим сегодня, – мы будем жить завтра”. Вчитайтесь, вдумайтесь в эти слова!» (стр. 122). Вдумаемся. Я, как филолог, не преувеличиваю роли грамотности и речевой культуры даже в борьбе с хамством, не то что в спасении общества.

¹⁷ Кара-Мурза С.Г. Опять вопросы вождям – <http://itugarinov.chat.ru>.

Я предпочитаю придерживаться тривиальной точки зрения, которую, впрочем, не отрицает и И.М. Фатеева¹⁸: общественное бытие человека определяет его общественное же сознание, а оно, в свою очередь, влияет на речь. (А также речь оказывает обратное воздействие на сознание людей, что косвенно сказывается и на бытии. В этом смысле Достоевский прав.) Если действительность безобразна, это невротизирует людей, лишает их уважения к окружающим и к самим себе, делает их агрессивными, порождая в том числе и вербальную агрессию.

Прочитую по этому поводу фрагмент статьи И.М. Фатеевой: «Молодые люди и девушки щедро разбавляют “коктейль” собственной речи (и без того не особенно богатой словарным запасом) словами и выражениями, содержащими грубость, вульгарность и откровенный гнусный мат. Никто из них не задумывается над тем, как со стороны выглядит тоненькая былиночка, хорошенькая, модно одетая девушка, отвечающая на звонок мобильного (в коридоре института): “Как, б**я, я могла тебе эсэмэснуть? У моей е***чей мобилы батарея сдохла!” И это – “обычная” речь, не ставящая целью оскорбить абонента!» (стр. 119). С последним заявлением автора я могу согласиться лишь отчасти. Возможно, для данной девицы это действительно обычная речь. Не исключено и то, что девица не намеревается *осознанно* оскорбить абонента. Но вполне очевиден общий агрессивный стиль ее отношения к тому, что ее окружает (и к вещам, и к людям), стиль общения и речи. Сама за себя говорит ее злобная реакция на самый невинный вопрос: откуда ее адресату знать, что у ее «мобилы» что-то «сдохло»? Видимо, эта девица вообще раздосадована качеством своей «е... мобилы», если так ее называет? И почему-то она не может позволить себе хорошую «мобилу», а это уже выход в социальную тематику (то ли денег нет у бедной студентки, то ли она уже разочаровалась в пропаганде потребительства и уверена, что качественный телефон купить невозможно, то ли всё вместе). И если таков обычный стиль ее общения с подругой (или другом), которую (которого) она привычно именуется «б**я» (кстати, что бы это значило? я, социоллингвист, не знаю), то каковы же ценности этой несчастной, как она воспринимает людей, какого она мнения о себе? Ведь для этого нужно совершенно не уважать ни других, ни себя.

И.М. Фатеева утверждает: «Хамство, без сомнения, является идеологической платформой ненависти к человеку, к ближнему» (стр. 119). Некоторые сомнения у меня в этом все-таки есть: по-моему, не хамство – платформа ненависти к ближнему, а наоборот. Психология хама – мизантропия, причем он не делает исключения и для себя самого. Это человеконенавистничество сочетается с эгоизмом, и здесь нет особого противоречия: можно любить себя, но уважать – не обязательно. Или так:

¹⁸ «Нельзя забывать, что язык наш отражает все: реальность и плоды фантазии, наши взаимоотношения – бытовые и служебные, все, что было и есть. Более того, он фиксирует и еще не существующее, но то, что будет предположительно, потому что язык неразрывно связан с сознанием – это и есть наша “картина мира”, “наше действительное сознание”. А сознание, к сожалению, функционирует на уровне слов “кульно”, “круто”, “респектуха”, “отстой”, создавая ощущение, будто только “законченный лох не знает, как срубить бабло”, выстраивая реальность, в которой “кинуть – не стремно”, “это сладкое слово – халява»» (стр. 120).

неуважение к себе компенсировать любовью к себе и презрением и ненавистью к другим, будь то предки (хамизм) или окружающие люди (хамство).

П. Басинский в своей статье, вслед за С. Аверинцевым, называет Хама библейского (а равно и хама бытового) «естественным» человеком, т.е. живущим простейшими инстинктами, не отягощенным культурой. Я бы сказал иначе: отягощенным культурой, т.е. *тяготящемся* ею (фактически и Басинский пишет именно об этом: Хам воспитался в лоне культуры и глумливо отверг ее¹⁹). Многих удивляет неадекватно суровая реакция Ноя на поступок Хама (что отмечает и П. Басинский), тем более что сам Ной предстает в этой истории не в лучшем виде. Этот момент нужно интерпретировать в культурно-историческом аспекте, которого я затрагивать не буду. Коснусь только универсального символического смысла этого сюжета. В отличие от П. Басинского, я не нахожу Ноя «божественно прекрасным» ни в какой ипостаси – ни пьяного и спящего в срамном виде, ни проклиняющего сына, посмеявшегося увидеть этот срам.

Я считаю, что отцу все-таки следовало бы вести себя прилично. А вот хамское поведение сына проявляется не в том, что он обнаружил и осознал позор отца, а в том, что *обрадовался* этому. И поспешил сообщить братьям: вот, полюбуйте, каков наш благочестивый родитель, который надоел нам своими проповедями. Но больше он нам не указ, и, следовательно, никаких запретов для нас уже не существует. Подлое удовольствие от того, что отец оказался плох и это развязывает тебе руки, – вот сущность и хамизма, и просто хамства.

Так хамы относятся и к культуре: Пушкин матерился и писал скабрзные стихи, значит, и нам можно распускаться. Да и Пушкина читать не обязательно, он для нас не авторитет. «*Врете, подлецы!*» – хочется вспомнить слова самого Пушкина. Пушкиным не бейте, ибо бью вас – им! Как филолог, я понимаю, почему Пушкин любил материться – причины были иные, нежели у Киркорова²⁰. Но, именно как филолог, понимаю, что русской культуре это обошлось слишком дорого.

Несовершенство и даже порочность великих людей как повод игнорировать их величие и оправдывать собственное право на бесчестье – вот что такое хамизм и хамство.

И все же, сколь тесно хамство ни было бы связано с речью, это проблема не лингвистическая, а социальная.

Одна из причин хамства – отсутствие в обществе высоких идеалов, духоподъемных целей. Это побуждает человека чувствовать себя ничтожеством. Мещанину, потребителю, клерку из «офисного планктона», читателю глянцевого журнала и зрителю «Комеди Клаба» трудно воспринимать себя полноценной личностью и уважать себя и кого бы то ни было. Хамства станет меньше, если у людей появятся серьезные, достойные смысло-жизненные цели.

¹⁹ Хам, подобно свифтовскому еху, – не «естественный человек», а одичавший «цивилизованный».

²⁰ Мы все хорошо помним, как во время скандала «Киркоров – Арьян» так называемые «деятели культуры» оправдывали безобразное поведение Киркорова ссылками на Пушкина и Льва Толстого.

Отказ от советского проекта привел к становлению в обществе капитализма зависимого типа. Если в метрополии капитализм в состоянии выполнять созидательную роль, то на периферии он реализует стратегию паразитизма. (Причем это касается не только элиты, но и трудящегося народа. Покойный А.А. Зиновьев в «Русской трагедии» красной нитью провел мысль о том, что всё население России связано круговой порукой вины. Нефтяники, газовики и другие работники производственной сферы – соучастники распродажи природных богатств страны. Пенсионеры живут на средства, которые выручены от разбазаривания ресурсов России.) Паразитизм в материальной сфере находит свое отражение в области духа. Оно заключается в агрессивно-высокомерном отношении к созданным обществом ценностям культуры, в воинствующем бескультурье. А ведь как раз оно и составляет сущность хамства. И следует ли удивляться его массовости и агрессивности!

Так что вряд ли позитивные ценности, призванные возродить общество, следует связывать с православием и церковью. В этом сомневался еще Мережковский. Вот уже более 20 лет Россия переживает «религиозный ренессанс», и это не спасает общество от нарастающей бездуховности и культурной деградации.

По этому поводу И.М. Фатеева приводит следующую цитату: «Отец Дмитрий Смирнов вполне обоснованно замечает, что требовать сейчас “активной позиции”, внятного слова от русского народа – это все равно, что истязать человека много дней и месяцев, подвергнуть его всяческим пыткам и наконец расстрелу, а потом, когда он после всего этого все-таки чудом выживет, упрекать его: что же ты, мол, лежишь, поганец, и не скажешь власть предержащим и всему миру ничего путного, только слушаешь всяких проходимцев и политтехнологов?» (стр. 121). Священнику следовало бы сказать: «*властям предержащим*», но не будем придирааться к лингвистическим недочетам. Важнее другое. Сказанное до некоторой степени объясняет массовое хамство, но неужели оправдывает?

Народ, видимо, следует понимать в широком смысле: граждан России, не облеченных властью, т.е. интеллигенцию в том числе. Почему нельзя требовать активной жизненной позиции, по крайней мере, от нее – совершенно не понятно. Ее прямое назначение – осмысливать происходящее в стране, искать внятные ответы на животрепещущие вопросы. Да и остальной части народа полезно думать над своим положением. Тем более что он был многократно обманут и поставлен на грань выживания, лишен смысла жизни и веры в лучшее. Самые подходящие обстоятельства, чтобы собраться с духом, с мыслями и выработать эту активную жизненную позицию, а не коснеть в апатии, бессильной ярости и обрушивать свою агрессию на ближних.

Итак, торжество хамства – следствие отсутствия в обществе объединяющей цели, вдохновляющей идеи. Хамство – прямой результат деструктивной реальности, и если не избавление от него, то радикальная

борьба с ним возможна только через коренное переустройство общества на началах созидания.